

Хуа Ханьчжан положил трубку и поделился новостью с Е Цинжаном:

— Может, полетим в Пекин вместе? Так мы сэкономим силы и избежим долгой дороги.

Лао Цзян промолчал, никак не вмешавшись в разговор.

Е Цинжан, согревая ладони о тёплые бока чайной чашки, мягко ответил:

— В Пекин мы обязательно отправимся. Поехать с тобой действительно было бы проще и безопаснее всего. Но мы решили сначала осмотреться, собрать побольше сведений в пути. Только пройдя через всё самому, можно по-настоящему вырасти. А если вечно прятаться в тихой гавани, очень быстро забудешь, насколько опасен этот мир.

Хуа Ханьчжан натянуто улыбнулся.

— Твоя правда...

Хотя он знал Е Цинжана и Лао Цзяня всего несколько дней, за это короткое время случилось слишком многое. Чудесное спасение в ту кошмарную ночь, непринуждённые беседы, а главное — упоение битвой плечом к плечу и безоговорочное доверие пустили глубокие корни в его душе. Мысль о скором возвращении домой, где снова придётся нацепить фальшивую маску и раствориться в светской суете, отзывалась во рту горьким привкусом.

Понимая, что спорить бесполезно, Хуа Ханьчжан понурил голову:

— Пойду пройдуся. Надо бы присмотреть одежду посвободнее.

Лао Цзян тут же поднялся с места:

— Я с тобой.

Зона безопасности Чунцин раскинулась в юго-восточной части города. Она была куда просторнее зоны безопасности Чэнду, да и техническое оснащение здесь оказалось на порядок лучше. На высоких крепостных стенах высились массивные глушители — именно благодаря этим приборам мертвецов в округе становилось всё меньше. Не будь их, огромные толпы уцелевших, собранные в одном месте, за считанные дни приманили бы к городу неодолимое полчище зомби.

На улицах повсюду кипела торговля. Владелец небольших лавок и супермаркетов, успевшие

прибрать к рукам богатые запасы провизии, теперь жили куда привольнее, чем до начала конца света.

Отыскав среди полупустых кварталов работающий торговый центр, Хуа Ханьчжан вздохнул с облегчением. В прошлой жизни он одевался исключительно у личных портных и редко заглядывал в магазины, хотя вовсе не гнался за кричащей роскошью — просто ценил качественный крой и удобство.

К счастью, безупречная выправка и благородные черты лица позволяли ему выглядеть изысканно даже в самом простом костюме с вешалки. Лао Цзян, не сильный в изящной словесности, не мог выдавить из себя ничего, кроме короткого «красиво», но Хуа Ханьчжану и этого хватило, чтобы повеселеть. Он шутливо присмотрел тёмно-зелёное шерстяное пальто и приложил его к широким плечам спутника.

Лао Цзян во всём подражал Хэ Чэншуану: вечно носил глухое чёрное и тяжёлые армейские ботинки. Выглядело это внушительно, но уж больно угрюмо. Рядом со статным, изящным Хуа Ханьчжаном рослый Цзян со своим вечно хмурым, непроницаемым лицом смотрелся типичным телохранителем.

— Твоя куртка уже совсем засалилась, — с улыбкой заметил Хуа Ханьчжан, помахивая пальто цвета хаки. — Давай и тебе подберём что-нибудь посвежее?

Лао Цзян упрямо мотнул головой:

— У меня есть сменная.

Вспомнив скудный гардероб здоровяка, Хуа Ханьчжан только всплеснул руками:

— Знаю я твои вещи! Купил пять одинаковых комплектов и носишь по кругу. Тебе самому не приелось? Считаю это моим подарком, я плачу.

Услышав про подарок, Лао Цзян тут же сдался. Он воодушевился и протянул руку, чтобы примерить вещь.

— Ну и умора! — раздался от дверей гнусавый, развязный голос. — Два мужика средь бела дня милуются у всех на виду. Парнишка-то ладный какой, а туда же — подставляет задницу мохноногим.

Хуа Ханьчжан и Лао Цзян мгновенно помрачнели. Обернувшись, они увидели пятерых мужчин, нагло перегородивших выход из магазина. Заводилой у них был хлипкий парень с ухмылкой на бледном лице, небрежно засунувший руки в карманы куртки. За его спиной маячили четверо подельников самого маргинального вида — разношёрстная банда из верзил, коротышек и толстяков.

Один из них, грузный детина с синюшной татуировкой, выползающей из-под воротника на шею, сально сощурился:

— Да ладно тебе, чего ты как из прошлого века? Мы люди современные, предрассудками не страдаем. Я вот тоже не дурак по этой части. Крошка больно хорош собой — в постели, небось, извивается как змея. Слышь, красавчик, может, уважишь старшего брата, порезвимся вместе?

Немногие покупатели, крутившиеся неподалёку, тут же поспешили ретироваться. В новые времена, когда за убийство и грабёж никто не призовет к ответу, лучше держаться подальше от чужих разборок, иначе мигом схлопочешь пулю или перо под ребро.

Тщедушный вожак скептически окинул взглядом жирную тушу своего подельника:

— Куда тебе со своим салом против его хахаля? Ты глянь, какие у того плечи да мышцы. Только такой бык и может обуздать эту сучку!

До Лао Цзяня наконец дошёл весь смысл их грязных намёков. Он сжал кулаки с глухим хрустом, но Хуа Ханьчжан мягко коснулся его предплечья, призывая к спокойствию. Молодой господин Хуа оставался невозмутимым. Он лишь слегка вскинул подбородок и смерил незваных гостей ледяным, исполненным превосходства взглядом. Он едва заметно, почти презрительно улыбнулся.

Годы, проведённые в высшем обществе среди роскоши и власти, наложили на Хуа Ханьчжана отпечаток врождённого благородства. Эту холодную спесь невозможно было сыграть или подделать. Лао Цзян же, темнокожий, широкоплечий, со строгими чертами лица и суровыми бровями вразлёт, излучал глухую, давящую ауру. Они стояли плечом к плечу, и в их молчаливом согласии чувствовалась гармония, не вызывающая ни капли отторжения. На их фоне брызжащие слюной бандиты выглядели жалкими, крикливыми дворнягами, лающими на породистых борзых. Разница между ними была как между грязью и чистым небом.

Татуированный верзила под этим взглядом заёрзал, почувствовав себя неудобно, и засыпал их новой порцией площадной брани. Не желая тратить время на шваль, Хуа Ханьчжан негромко бросил Цзяню:

— Пойдём отсюда. Пора возвращаться.

Стоило им поравняться с преградой, как татуированный толстяк ухмыльнулся и протянул жирную клешню, намереваясь ущипнуть Ханьчжана за щеку. Хуа вспыхнул от ярости. Стремительным движением он перехватил чужую кисть и с силой надавил на сухожилие у основания большого пальца. Этот приём самообороны всегда работал безотказно, но громила лишь глухо рыкнул от боли и неуловимым, на удивление гибким заломом высвободил руку.

В ту же секунду остальные четверо слаженно рванулись с мест, беря беглецов в кольцо. Двое выхватили из рукавов узкие клинки и нанесли быстрые колющие удары в сторону Лао Цзяня, а

ещё двое бросились на подмогу своему главарю, отсекая Ханьчжана.

Ханьчжан похолодел. Это была не случайная стычка с уличной швалью — их ждали. Охотники, жаждавшие прибрать его к рукам, протянули свои щупальца даже в Чунцин, а он, идиот, расслабился и потерял бдительность!

В мгновение ока сухопарый бандит, изловчившись, нанёс Ханьчжану хлёсткий удар в живот. На его кулаке тускло блеснул кастет с острыми шипами. От страшного удара у молодого человека перехватило дыхание, внутренности словно скрутило узлом, а к горлу подступила удушливая тошнота. Он согнулся пополам. Тут же к его лицу метнулась рука вожака — тот наконец вытащил ладонь из кармана, зажав в ней пропитанную химикатами тряпку. Ханьчжан почувствовал приторно-сладкий, едкий запах эфира.

Зажатый с двух сторон Лао Цзян не успевал прийти на помощь. Увидев, как Ханьчжану зажимают рот вонючей ветошью, он взревел от ярости. Наплевав на свистящие лезвия, Цзян пошёл напролом: перехватил руку одного из нападавших, проигнорировав глубокий порез на собственной ладони, и свободной рукой выхватил из-за пазухи пистолет. Прогредел выстрел. Тщедушный вожак в последний миг успел отпрянуть — пуля с треском выдрала кусок бетона из стены прямо за его ухом. Оглушительный грохот заставил немногих зевая с истощенными криками броситься врассыпную.

Пользуясь замешательством, вожак крепко обхватил Ханьчжана сзади. Тот успел сделать несколько глубоких вдохов — яд быстро растёкся по венам, лишая сил. Хуа тщетно пытался разогнуть чужое запястье, но его рука безвольно повисла. Бандит закинул обмякшее тело на плечо и стремительно бросился к выходу.

— Назад, тварь! — взвыл Лао Цзян.

Он почти в упор разрядил пистолет в голову татуированного громилы. Череп того лопнул, окропив витрину багровой жижей. Времени на остальных не оставалось. Цзян рванулся вслед за похитителем, но трое выживших ублюдков преградили ему путь, размахивая ножами. Тот, что порезвее, сумел достать его — лезвие глубоко вонзилось в правое предплечье Цзяня.

Боль словно обошла разум Цзяня стороной. Развернувшись всем корпусом, он с силой вбил колено в пах нападавшему. Мощный удар оторвал бандита от пола. Против этой звериной мощи кастет сухопарого казался детской игрушкой. Нападавший рухнул на колени, его лицо исказилось от невыносимой муки, из открытого рта хлынула рвота вперемешку с кровью. Оставшиеся двое, сообразив, что перед ними разъярённый мясник, испуганно замерли, не решаясь лезть на рожон.

Лао Цзян не стал тратить на них патроны. Он развернулся и выбежал из торгового центра. Впереди, у самого выхода, маячила спина похитителя, бегущего к припаркованному на обочине чёрному минивэну со сдвинутой дверью.

Лавируя между припаркованными машинами, Цзян увидел, как вожак вместе с сообщником,

высунувшимся из салона, затаскивают бесчувственного Ханьчжана внутрь. Он был ослеплён яростью, ладонь зудела от желания выпустить в ублюдка всю обойму. Но Цзян заставил себя сделать глубокий вдох, прицелился и плавно нажал на спуск. Свинцовый заряд вошёл точнёхонько в затылок похитителю. Голова бандита разлетелась брызгами костей и серого вещества, запачкав полированную дверцу машины. Сидящий внутри сообщник среагировал мгновенно: пнул безжизненное тело водителя на асфальт, что-то крикнул водителю, и минивэн, взвизгнув покрывками, рванул с места.

Цзян бежал следом, стреляя на ходу по колесам. Из окна минивэна высунулась рука с пистолетом, полыхнули ответные вспышки. Пули свистели над головой, заставляя уклоняться. Поняв, что на своих двоих машину не догнать, Цзян метнулся к легковушке, как раз выезжавшей из-за угла. Запрыгнув на капот, он ткнул стволом в лобовое стекло, прямо напротив глаз перепуганного водителя.

— Выметайся! — рявкнул он сквозь зубы.

Несчастный обыватель, оценив окровавленный вид и безумный взгляд налётчика, задрожал всем телом. Цзян рванул дверцу, вышвырнул бедолагу на обочину, прыгнул за руль и, вдавив педаль газа в пол, бросился в погоню за удаляющимся минивэном.

В это же время в съёмной квартире Хэ Чэншуан лениво перелистывал страницы старинной книги — путевых заметок, которые Е Цинжан отыскал в глубинах своего Малого Тайного Пространства. Текст, изобилующий сложными архаичными иероглифами, давался с трудом, но Чэншуан, видя, с каким упоением читает его спутник, упрямо вызвался разбирать строки вместе — исключительно ради расширения кругозора.

Внезапно в кармане его куртки раздался резкий зуммер. Чэншуан мгновенно подобрался и извлёк на свет небольшой, размером с коробок спичек, прибор в глухом чёрном пластике. На его панели лихорадочно пульсировал алый светодиод.

Е Цинжан, как раз разливавший свежесваренный чай, замер с чайником в руке, а затем тоже поспешно встал. Он хорошо помнил слова Лао Цзяня: жёлтый сигнал означал погоню, а вот красный... Красный вещал о смертельной опасности.

Хэ Чэншуан потемнел лицом.

— Кого-то взяли. Пока не знаю, одного или обоих сразу.

— До Чэнду отсюда рукой подать, — быстро сопоставил факты Е Цинжан. — Похоже, ищейки, что шли по следку Ханьчжана, не думают сдаваться.

Чэншуан рванул с вешалки куртку и на ходу бросил:

— Как бы там ни было, этот парень дорог Лао Цзяню. Из-под земли достанем, но вернём его целым и невредимым.

Тем временем две машины на бешеной скорости летели по разбитым улицам Чунцина, распугивая редких прохожих. На лбу Лао Цзяня выступили крупные капли пота. Мир изменился: какими бы могущественными ни были они трое, без прежней оравы преданных бойцов и шнырей они оставались уязвимы. Если эти ублюдки доведут Ханьчжана до своего логова, вытащить его оттуда будет почти невозможно.

Цзян сильнее вдавил педаль газа. Ветер, врывающийся в разбитое окно, нещадно хлестал по лицу, смешиваясь со стекающей из порезов кровью. Удерживая руль левой рукой, правой он продолжал вести огонь по беглецам. Сближаясь с минивэном, Цзян не решался идти на таран, боясь покалечить Ханьчжана. Вместо этого он резко повернул руль, притираясь боком к борту преследователей и выталкивая их к обочине. Минивэн со скрежетом пропахал металлический отбойник, высекая снопы искр.

Водитель минивэна отчаянно закрутил руль, изрыгая проклятия. Им обещали лёгкие деньги, но подыхать за них никто не подписывался! Заказчик уверял, что у цели может быть оружие, но предупреждение о высоком уровне угрозы они пропустили мимо ушей. А теперь этот безумный преследователь, устроивший бойню прямо посреди торгового центра, наглядно показал: перед ними настоящий смертник, которому нечего терять!

Паника лишила бандита хладнокровия. Лао Цзян, с лицом, иссечённым осколками стекла и залитым кровью, в этот миг казался самым Вельзевулом. Встретившись глазами с этим чудовищем сквозь разбитые стёкла, водитель понял: пощады не будет. Прогремел выстрел, и пуля оборвала его мысли, заставив завалиться на руль с навек застывшим выражением ужаса на лице.

Ханьчжан на заднем сиденье по-прежнему не подавал признаков жизни. Оставшийся в живых бандит попытался перехватить управление, но его руки ходили ходуном от страха. Он умел крутить баранку, но с оружием обращался из рук вон плохо. Лао Цзян не дал ему ни единого шанса — второй выстрел отправил ублюдка вслед за его поделеньниками. Минивэн, проскрежетав колёсами по асфальту, вильнул в сторону и наконец замер, послушный уверенной руке подоспевшего Цзяня.